

КОГДА ИСЧЕЗЛИ ЗЕРКАЛА

ИИ

Николай Серебров

Николай Серебров

Когда исчезли зеркала

«Автор»

2026

Серебров Н.

Когда исчезли зеркала / Н. Серебров — «Автор», 2026

Что останется от нас, если зеркало однажды перестанет отражать? Утром Лида видит в ванной всё, кроме себя. Вскоре город теряет лица, а люди — привычную опору. Теперь приходится искать себя не в отражении, а в поступках, памяти и отношениях. Исчезновение зеркал становится проверкой на честность: где факт, а где тревожная догадка? За что мы отвечаем, а что не в силах контролировать? Как признать боль, не превращая её в единственную историю о себе, и поддержать близкого, не решая за него, что он чувствует? «Когда исчезли зеркала» — роман о страхе быть невидимым и смелости жить без готовых ответов. Для тех, кто сомневается в себе, запутался в чужих ожиданиях и ищет путь к бережной честности. Здесь не обещают мгновенной ясности, но напоминают: свой следующий шаг можно выбрать даже в неизвестности. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Серебров Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

В день, когда мир отвернулся	6
Пустые зеркала	10
Лица, придуманные другими	15
Мастер отражений	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Серебров

Когда исчезли зеркала

Когда исчезли зеркала

Николай Серебров

В день, когда мир отвернулся

В шесть сорок две Лида выключила будильник, не открывая глаз. Потом лежала ещё минуту, прислушиваясь к квартире: труба в стене вздохнула, в кухне щёлкнул холодильник, за окном прокатился по мокрому асфальту автобус. Обычное утро собиралось вокруг неё с привычной неторопливостью.

Она встала, нащупала тапочки и пошла в ванную. Кафель был холодным. Лида включила свет, прикрыла глаза от белой вспышки и потянулась к крану. Вода сначала шла тонкой, сонной струёй, потом окрепла. Она умылась, вытерла лицо полотенцем, провела ладонью по волосам и подняла взгляд.

Зеркало показывало ванную.

Белую плитку, полотенцесушитель, край занавески. На полке стояла синяя банка с кремом, которую Лида собиралась выбросить ещё месяц назад. Окно в коридоре отражалось прямоугольником в глубине стекла. Лиды не было.

Она моргнула. Наклонилась ближе. В зеркале ничего не изменилось.

— Ну вот, — сказала она себе.

Голос прозвучал хрипло после сна. Лида провела пальцами по щеке. Кожа была тёплой и влажной. Она снова посмотрела в зеркало, на этот раз стараясь не моргать. Там по-прежнему оставалась ванная, спокойная и пустая.

Сначала она подумала, что зеркало запотело. Но стекло было чистым. Потом решила, что лампа светит как-то не так. Щёлкнула выключателем. Свет погас, снова вспыхнул. Отражение комнаты осталось. Лида подняла руку. В зеркале ничего не поднялось.

Кисть замерла у её лица. На запястье темнела тонкая полоска от резинки, которой она вчера стянула волосы. Лида видела собственную руку прямо перед собой, но не могла найти её в стекле. Она опустила ладонь, поднесла снова, медленно, будто зеркало могло не успеть за движением.

В ванной стало тесно. Или это её дыхание вдруг заняло слишком много места.

Она повернулась к раковине и взяла чашку с зубными щётками. Фарфор выскользнул из пальцев и ударился о край раковины. Лида успела поймать щётку, но чашка упала на пол и раскололась на две большие части и несколько мелких осколков.

— Чёрт.

Она не испугалась звука. Испугалась дрожи в пальцах. Той мелкой, беспомощной дрожи, которая мешала удержать простую вещь.

Лида присела, собрала осколки в ладонь и выбросила их в мусорное ведро. Один тонкий скол уколол указательный палец. На коже выступила красная точка. Она прижала к ней бумажное полотенце и выдохнула.

— Больно, — сказала она вслух.

Слово было маленьким и точным. К нему можно было прицепиться.

Она вытерла руки, вышла из ванной и вернулась уже с телефоном. Открыла галерею. На верхней фотографии была их с Аней кухня: чашки на столе, коробка с пиццей, брошенная на стул куртка. Лида помнила этот вечер. Помнила, как Аня снимала их обеих, смеясь над тем, что Лида снова испачкала рукав краской. Теперь на фотографии была только кухня.

Следующий снимок — мастерская. Мольберт, банки с растворителем, старая рама, которую Лида держала у окна. Рама осталась. Она — нет.

Лида пролистала дальше. День рождения, поездка к морю, лестница в музей. На снимках были места, предметы, люди вокруг неё, но там, где должна была стоять Лида, ничего не происходило. Комната не темнела, предметы не сдвигались. Просто фотография продолжалась без неё.

— Это сбой, — сказала она.

Телефон был у неё в руках. Значит, фотографиям нельзя доверять. Или можно, но не сегодня. Она включила камеру и направила экран на себя. На дисплее появилась ванная, раковина, полотенце, приоткрытая дверь. Лиды не было.

Она нажала кнопку съёмки. Новый кадр получился почти таким же, как прежние.

Лида выключила камеру. Телефон погас. В чёрном стекле отразилась дверь и кусок стены. Ни лица, ни плеча, ни поднятой руки.

В коридоре она остановилась у окна. За стеклом лежало серое утро. В тёмном участке, где обычно проступало отражение квартиры, виднелись книжный шкаф, настольная лампа, торшер. Она подошла ближе. Подняла руку. Окно показало комнату без неё.

Только тогда страх пришёл целиком. Не резкий, не громкий. Он поднялся от живота к горлу, как вода в ванной, если забыть закрыть кран.

Лида прислонилась спиной к стене. Ей захотелось немедленно позвонить кому-нибудь. Ане, маме, сестре. Сказать: «Посмотри на меня. Скажи, что я здесь». И тут же она представила, как собеседница спросит, что случилось, а Лида начнёт объяснять про зеркало, фотографии, чёрный экран. Ей станет неловко. Она станет говорить быстрее. Будет подбирать слова, чтобы не показаться смешной, и искать в голосе другого человека подтверждение, что всё в порядке.

Она знала этот путь. Просто раньше он был выложен мелкими, почти незаметными камнями.

Лида привыкла проверять себя глазами других. В мастерской она замечала, как заказчик задерживает взгляд на восстановленном лице, прежде чем сказать: «Да, теперь похоже». На встречах замечала, кто смотрит на неё, когда она говорит, а кто уже отвлёкся. На фотографиях искала удачный ракурс, а потом, получив снимок, увеличивала его, чтобы проверить: не слишком ли усталое лицо, не странно ли лежат волосы. Комплимент мог поднять настроение на весь день. Молчание — испортить его, даже если человек просто задумался.

Она не считала себя тщеславной. Скорее внимательной. Так говорила себе. Внимательная к деталям, к реакции, к тому, какое впечатление производит. Но сейчас перед ней стоял целый ряд доказательств, и каждый из них молчал.

Лида вернулась в ванную. У раковины по-прежнему лежала зубная паста, открытый тюбик крема, щётка с синей ручкой. Она включила горячую воду и подождала, пока зеркало затянется паром. Изображение комнаты побледнело, исчезла полка, расплылся край раковины. Лида взяла пальцем и написала на стекле:

«Что я чувствую?»

Она остановилась. Слышала, как шумит вода. Чувствовала холод в ступнях, хотя стояла на коврике. Плечи были подняты, челюсть стиснута. Пальцы дрожали. В груди теснило.

Под первой строкой она написала:

«Что я знаю?»

Я знаю своё имя. Я знаю, что мне тридцать шесть. Я знаю, как пахнет масло для реставрации и как звучит скрип старой рамы, если её неудачно поставить на пол. Я знаю, что на прошлой неделе позвонила маме, хотя обещала сделать это раньше. Я знаю, что не люблю изюм в булочках. Я знаю, что сейчас стою в ванной и что мне больно от того, что чашка разбилась.

Она могла бы написать: «Я существую». Но рука не двинулась. Эта фраза казалась слишком большой и слишком похожей на просьбу.

Лида вывела третью строку:

«Что пока не знаю?»

Ручка её пальца остановилась на последнем слове. Она не знала, почему исчезло отражение. Не знала, почему фотографии показывают пустые места. Не знала, что об этом скажут другие. Не знала, исчезнет ли это через минуту или останется навсегда.

Стекло не вернуло её лица. Но строки остались. Пар вокруг них редел, капли воды стекали вниз, а слова держались на прозрачной поверхности, неровные, местами слишком широкие. Лида прочитала их ещё раз. Не как заклинание. Как список вещей, которые можно разделить, чтобы они не наваливались разом.

Чувство — не объяснение. Знание — не догадка. Неизвестное — не приговор.

Она выключила воду. На мгновение в ванной стало тихо, и из глубины квартиры донёсся щелчок холодильника.

Лида умылась ещё раз. На этот раз не стала смотреть в зеркало. Вытерла лицо, надела джинсы и тёмный свитер, тот самый, который выбирала не потому, что он хорошо смотрелся на фотографиях, а потому что в нём было тепло. Расчёсывалась на ощупь, пальцами разделила волосы на пробор. Не получилось ровно. Она не стала начинать заново.

На кухне Лида насыпала кофе в турку. Рука всё ещё немного дрожала, но уже не так заметно. Она поставила чашку на стол и обхватила её обеими ладонями. Горячий фарфор согрел пальцы. В квартире оставались вещи, которые знали её не по лицу: чашка с отколотой ручкой, стопка книг возле дивана, квитанция за электричество, оставленная на подоконнике. Ни одна из них не могла подтвердить, кто она. Но ни одна и не требовала этого.

Телефон завибрировал. Сообщение от Ани: «Ты сегодня к десяти в мастерскую? Принесу те снимки с выставки».

Лида посмотрела на экран. Внутри привычно шевельнулось желание написать: «У меня что-то странное». Получить в ответ шутку или тревогу, совет, фотографию, знак, что кто-то ещё видит её на прежнем месте.

Она набрала: «Буду. Только задержусь минут на десять».

Потом добавила: «Расскажу, когда увидимся».

Ответ пришёл почти сразу: «Хорошо. Не спеши».

Эти два слова не объяснили ничего. Но они позволили не торопиться.

Лида допила кофе, надела пальто и проверила ключи в кармане. Перед выходом остановилась у зеркала в прихожей. Оно было узкое, в деревянной раме с облупившимся лаком. Рама отражалась ясно. Виднелась дверь, крючок для шарфа, светлая полоска стены. Лида стояла перед ней и не видела себя.

Она коснулась пальцами собственного рукава. Шерсть была чуть влажной после сушки. На ногтях остались следы синей краски. Утром она заметила их, только когда положила ладони на раковину. Теперь эти крошечные пятна казались не знаком, а фактом. Краска. Рука. Тепло ткани. Ключи.

Лида открыла дверь и вышла.

На улице пахло дождём, мокрой пылью и хлебом из пекарни на углу. Машины тянулись по дороге, люди шли, втянув головы в воротники. В витрине цветочного магазина отражались серое небо, велосипед, припаркованный у бордюра, и две женщины с бумажными пакетами. Лида подошла ближе. Увидела букет белых хризантем, поставленный в металлическое ведро, и за ним — улицу, остановку, автобус, который медленно приближался.

Мир отражался в стекле.

Лиды не было.

Она не отступила сразу. Несколько секунд стояла, глядя на витрину. Потом заметила, что автобус уже подъехал, а ей нужно успеть на следующий светофор. Ничего не объяснилось. Ничего не стало легче только от того, что она назвала это неизвестным.

Но неизвестное пока можно было оставить неизвестным.

Лида пошла дальше. В витрине аптеки отразились провода и облака. В окне кафе — пустые столики, лампы и улица. Она видела мир, собранный из светлых и тёмных пятен, из движения и пауз. А своего лица не видела нигде.

У мастерской, на другой стороне перекрёстка, солнце на короткое время вышло из-за облаков и ударило по стеклянному фасаду. В нём вспыхнул весь квартал — крыши, фонари, светофор, люди, спешащие через дорогу. Лида задержала шаг и посмотрела на пустое место среди отражений.

За спиной у неё тянулась улица, полная окон, витрин и зеркальных поверхностей. У каждого стекла было своё молчание. И впереди, за дверью мастерской, её ждали рамы, покрытые потемневшим лаком, лица, утратившие краски, и предметы, которые больше не умели показывать себя прежними.

Лида глубже вдохнула и перешла дорогу. Она пока не знала, что случилось с её отражением. Зато знала, что не обязана придумывать ответ прежде, чем сделает следующий шаг.

Пустые зеркала

Дверь мастерской подалась не сразу. Лида нажала на ручку ещё раз, и над входом хрипло звякнул колокольчик, словно его давно не звали.

Внутри пахло древесной пылью, льняным маслом и крепким кофе. На стенах висели рамы: позолоченные, потемневшие, с резными листьями и маленькими ангелами, у которых стерлись лица. У окна стояло большое зеркало в овальной раме. Оно показывало улицу, край верстака, чашку на подоконнике. Лиду — нет.

Мастер, седой мужчина в синем рабочем халате, поднял голову.

— Вы из-за зеркала?

Она чуть помедлила.

— Я пока не знаю, из-за чего. Хотела проверить, такое ли оно здесь.

— Такое, — сказал он. — С утра уже третье.

Он вытер ладони о фартук и встал рядом с зеркалом. В стекле появились окно и верстак. Его самого не было.

— Может, задняя стенка отошла? — спросила Лида.

— Проверил. Амальгама целая. Свет падает правильно. Я даже рамку снял.

Он произнес это с той же интонацией, с какой мог сообщить, что подорожал клей. Потом взял со стола кисть и стал смахивать пыль с резного угла. Лида сначала решила, что ему всё равно. Он так спокойно вернулся к работе, будто пустое зеркало было всего лишь новой неприятностью вроде скрипучего ящика.

— Вы не испугались? — спросила она.

Мастер посмотрел на нее поверх очков.

— Испугался. Только если испугаться вслух, придется кому-нибудь объяснять, чего именно я боюсь. А я не знаю.

Кисть снова прошла по дереву. На одном из старых портретов женщина в зеленом платье смотрела куда-то за пределы холста. Ее лицо выпцвело, но на шее сохранилась тонкая цепочка.

— С утра я побрился, — сказал мастер. — Вернее, думал, что побрился. Потом жена спросила, не поцарапал ли я подбородок. Я спросил, почему. Она ответила: «Да так». Мы оба сделали вид, что речь о бритве.

Лида почувствовала, как у нее под ребрами шевельнулось знакомое желание сразу подобрать объяснение. Сбой. Массовая галлюцинация. Что-то с освещением. Она остановила эту цепочку, не потому что догадалась до правды, а потому что не хотела выдавать догадки за знание.

Достала телефон и открыла новую заметку. Написала три строки:

Факт: зеркало показывает комнату, но не людей. **Предположение:** так происходит не только у меня. **Вопрос:** одинаково ли ведут себя все отражающие поверхности?

Мастер заглянул через плечо.

— Хорошая форма, — сказал он. — Я бы добавил: «Кто-нибудь сегодня уже починил мир?»

Лида улыбнулась. На секунду мастерская показалась обычной до умиления: пыль в луче света, недопитый кофе, чужая шутка, которая не отменяла страха, но давала ему место за столом, а не во главе.

На улице поток людей огибал лужи и друг друга. Автобусы рычали у перекрестка, курьер на велосипеде ругался на машину, голубь деловито клевал крошку у бордюра. Город не останавливался. Он продолжал исполнять расписание с упрямством человека, который опоздал на работу и считает это более срочным, чем конец света.

Через дорогу была кофейня с большими окнами. Лида вошла туда, заказала чай и остановилась у стойки. На стекле витрины лежали отражения чашек, кофемашины и улицы. За стойкой работала девушка с короткой стрижкой. Она то и дело приглаживала волосы ладонью, будто сверялась с невидимым изображением.

У окна две посетительницы поправляли прически. Одна вынула из сумки складную расческу, раскрыла ее, посмотрела на пустое зеркальце и закрыла. Потом провела расческой по волосам на ощупь.

— Ровно? — спросила она подругу.

— Примерно.

— «Примерно» — не ответ.

— Другого у меня сегодня нет.

Они засмеялись. Смех вышел коротким, но настоящим. Тут же одна из них отвела взгляд к телефону, другая заговорила о работе. Лида подумала: им не до этого. И почти сразу поймала себя на том, что уже успела раздать незнакомкам диагнозы — равнодушие, отрицание, привычку прятаться. Она не знала, что у них внутри. Знала только, что одна закрыла пустое зеркальце, а другая сказала «примерно».

Девушка за стойкой протирала витрину. Одно и то же место, круг за кругом. Стекло было чистым.

— Вы видели себя сегодня? — спросила Лида.

Девушка не сразу подняла глаза.

— Нет. А вы?

— Тоже нет.

— Тогда я не одна, — сказала она и снова провела салфеткой по стеклу. — Простите. У меня с утра очередь, потом поставка, а дома младшая сестра прислала голосовое: плакала и спрашивала, почему в зеркале у неё нет лица. Я сказала, что, наверное, запотело.

Она говорила деловито, но пальцы сжали салфетку так, что та смялась.

— Я подумала, вам всё равно, — призналась Лида.

Девушка пожала плечами.

— Мне не всё равно. Я просто пока не знаю, что с этим делать. Кофе делать умею. Вот и делаю.

Лида добавила в заметку:

Факт: девушка тоже не видела себя. **Предположение:** занятость помогает не думать.

Вопрос: она занята потому, что не боится, или потому, что боится?

Она поставила точку после вопроса и удивилась, насколько легче стало дышать. Не потому, что появилось объяснение. Просто внутри освободилось немного места: факт больше не притворялся выводом.

Выйдя из кофейни, Лида свернула к магазину одежды. Витрина отражала фонари, вывеску аптеки и часть перекрестка. Продавец в темном фартуке протирает стекло длинными движениями. Внутри на манекенах висели пальто. Их пластмассовые лица были на месте, зато отражения продавца не было.

Он работал спокойно, без спешки. Лида решила, что и ему всё равно, и уже приготовилась пройти дальше. Но заметила, что каждый раз, когда с улицы подходил прохожий, продавец чуть отступал от витрины, будто давал ему место. Сам не смотрел на стекло.

— Вы знаете, что оно пустое? — спросила Лида.

Он обернулся.

— Знаю.

— И всё равно протираете?

— Пыль-то настоящая.

Он провел салфеткой по нижнему краю, где проступала серая полоса.

— Кто-то должен будет зайти и спросить, сколько стоит пальто. Если я закрою магазин и стану смотреть в витрину, что изменится?

Лида кивнула, хотя вопрос был не к ней.

— Я подумала, что вы не переживаете.

— Переживаю, — сказал он. — Просто я один здесь. Если начну выглядеть испуганным, покупатели решат, что я знаю больше них. А я не знаю.

Он снова повернулся к стеклу. Лида вспомнила мастера в мастерской, девушку с салфеткой, себя саму с телефоном в руке. В каждом из них она находила удобный способ не стоять посреди улицы с открытым ртом. У продавца это была работа. У нее — заметка. У кого-то, возможно, шутка или спор о расписании.

На остановке автобус уже мигал указателем поворота. Лида вошла в салон, приложила карту к валидатору и встала у окна. За стеклом проплывали дома, рекламные щиты и люди, несшие пакеты. В темном окне отражались сиденья и пустые поручни, но пассажиры в него не возвращались.

Двое мужчин у задней двери спорили о расписании.

— На сайте написано, что он ходит каждые семь минут.

— На сайте написано многое. Вчера я ждал двадцать.

— Значит, у тебя вчера был особый маршрут.

Один из них достал из кармана расческу и провел ею по волосам, глядя не в окно, а прямо перед собой. Девушка рядом с ним поправила воротник, на ощупь нашла пуговицу и застегнула ее. Пожилая пассажирка сняла очки, протерла стекла, надела и посмотрела в окно. Всё это выглядело так буднично, что Лида на миг засомневалась в собственном восприятии.

Она села на свободное место. Напротив мужчины листал новости, нахмурившись. На экране мелькали заголовки о погоде, ремонте улиц и скидках в супермаркете. Ни слова о зеркалах. Лида подумала, что новостям просто нужно время. Потом подумала, что, возможно, люди уже сообщают об этом друг другу иначе: короткими фразами на кухнях, взглядами, которые задерживаются на гладких поверхностях, вопросами, на которые никто не торопится отвечать.

На следующей остановке в автобус вошла женщина с букетом тюльпанов. Она протиснулась между пассажирами и спросила:

— Здесь свободно?

Лида пододвинула сумку. Женщина села, бережно удерживая цветы на коленях.

— Тяжелое утро? — спросила Лида, сама не зная, почему.

Женщина посмотрела на нее, потом на цветы.

— Утро как утро. Муж перед работой спросил, не поменяла ли я помаду. Я сказала, что нет. Он ответил, что я без помады. Мы оба не поняли, почему это разговор. — Она помолчала. — У меня день рождения, кстати. Может, поэтому он так нервничал.

— С праздником, — сказала Лида.

— Спасибо. Я купила себе цветы. Пока не решила, хорошая это идея или нет.

Она поправила бумагу вокруг стеблей. Лида не стала спрашивать, испугалась ли женщина. Вместо этого посмотрела на букет: желтые и оранжевые головки, темные капли воды на лепестках. Это она могла видеть. Остальное ей предстояло услышать, если женщина захочет рассказать.

Автобус затормозил у площади. Лида вышла вместе с несколькими пассажирами. Она собиралась пройти пешком до следующей улицы, но у остановочного павильона заметила мальчика лет девяти. На нем была красная куртка, за плечами болтался рюкзак с нашивкой в виде космического корабля. Рядом, в нескольких шагах, женщина разговаривала по телефону и одновременно перебирала в сумке ключи.

Мальчик смотрел на стекло павильона. На нем отражались автобусная полоса, вывеска булочной и облака. Он поднял руку, коснулся пальцами щеки, потом опустил ее.

Лида остановилась рядом, не слишком близко.

— Ждешь автобус?

Он кивнул.

— Маму?

— Она сейчас закончит.

Он снова посмотрел на стекло.

— Вы тоже себя не видите? — спросил он.

Лида почувствовала, как внутри всё резко стало тише.

— Нет.

Мальчик быстро взглянул на нее.

— Я с утра смотрел в ванную. Там только плитка и полотенце. Потом в телефонной камере. Тоже не было. Это значит, что я исчез?

Женщина у сумки всё еще говорила по телефону. Лида не ответила сразу. Она знала, что любой поспешный ответ может прозвучать как обещание, которого она не способна выполнить. Она могла сказать «конечно, нет», но мальчик спрашивал не о том, что принято говорить. Он хотел понять, что означает пустое место.

— Я вижу тебя сейчас, — сказала Лида. — Красную куртку, рюкзак, мокрый шнурок на ботинке. И слышу, что ты со мной разговариваешь. А почему зеркала не показывают людей, я не знаю.

Мальчик опустил глаза. Шнурок действительно развязался. Он присел и завязал его, крепко затянув узел.

— Значит, я здесь?

— Да. Я могу сказать, что ты здесь. Но объяснить, почему зеркало пустое, не могу.

Он выпрямился и потер ладонью нос.

— Мама сказала, что зеркало, наверное, сломалось.

Женщина у телефона наконец обернулась. Мальчик посмотрел на нее, но не позвал.

Лида убрала телефон в карман. Ей захотелось достать записку и записать всё сразу, превратить испуг в аккуратные строки. Но мальчик ждал не от нее наблюдений. Он ждал, пока кто-нибудь останется рядом, не подменяя неизвестность готовой версией.

— Ты можешь сказать маме, что испугался, — произнесла Лида. — Не нужно сначала выяснять, почему.

Мальчик пожал плечами, но не отвел взгляда от стекла.

— Мам, — позвал он.

Женщина убрала телефон.

— Что, Сева?

— Я тебя вижу, — сказал он. — Ты меня видишь?

Она застыла на секунду, потом подошла и присела перед ним.

— Вижу, — ответила она. — И вижу, что шнурок ты всё-таки завязал.

Мальчик улыбнулся не сразу, будто проверял, можно ли доверять простому ответу. Потом взял мать за руку. Она посмотрела на пустое стекло павильона, но ничего не сказала. Лида не знала, видела ли та себя утром. Не стала угадывать.

На телефоне осталась открыта записка. Лида дописала:

Факт: мальчик тоже не увидел себя в зеркале. **Предположение:** он боится, что отсутствие отражения означает исчезновение. **Вопрос:** сколько людей сегодня ищут в чужих словах доказательство, что они всё еще существуют?

Подъехал автобус. Двери раскрылись, и из салона пахло теплым воздухом, мокрой шерстью и бензином. Мать с сыном пропустили вперед пожилого мужчину. Потом вошли сами. Мальчик обернулся к Лиде и коротко махнул рукой.

Она ответила тем же.

У остановки остались следы мокрых ботинок и стекло, в котором по-прежнему были видны улица, облака и свободное место там, где стояли люди. Лида посмотрела на него, не пытаясь заполнить. Пока ей было достаточно знать, что пустота в отражении — факт, а не готовое объяснение всего остального.

Лица, придуманные другими

Автобус свернул за угол, и его красные задние огни растворились в мокром воздухе. Лида пошла к музею пешком. До начала смены оставалось двадцать минут, а город уже успел намокнуть: на асфальте лежали длинные полосы света, у бордюров шуршали шины, с крыш капало за воротник.

Она работала реставратором. Привыкла доверять материалу: трещина не становилась царапиной оттого, что ее хотелось так назвать, а пятно на позолоте не превращалось в след времени, пока его не рассмотрят при другом освещении. Утром ей предстояло осмотреть раму старой картины. Но сейчас все ее внимание занимал вопрос, который невозможно было положить под лампу и изучить через лупу.

Исчезли только зеркала или любое отражение человека?

На первом же перекрестке она остановилась у витрины магазина. За стеклом стояли манекены без голов, на полке горели маленькие лампы. Витрина отражала улицу: серое небо, красный автобус, женщину с желтым зонтом. Лиды в стекле не было.

Она шагнула вправо. На поверхности изменились углы домов, зонт скользнул к краю, автобус исчез. Лида не появилась.

Она переместилась влево, потом назад, будто случайно пропускала вперед невидимого прохожего. Результат оставался прежним. В витрине была улица, только без нее.

В первый раз мысль пришла ясная и почти деловая: угол падения света. Во второй раз к ней добавилась другая: стекло может быть особенным. В третий раз Лида уже не искала объяснение. Она ждала, что образ вернется хотя бы на секунду, чтобы сердце перестало так часто стучать.

Мимо пронесся велосипедист. Лида услышала звонок поздно и отшатнулась, задев плечом прохожего.

— Осторожнее, пожалуйста, — сказал тот.

— Простите.

Мужчина обошел ее и растворился в толпе. Лида посмотрела ему вслед, потом снова повернулась к витрине. Стекло по-прежнему показывало улицу. Теперь она заметила и другое: пока искала себя, не увидела, как к перекрестку подъехал велосипед, не услышала шагов за спиной, пропустила изменение сигнала светофора. Город не исчез. Исчезло ее внимание к нему.

Она достала телефон и открыла заметку, начатую у остановки.

Факт: витрина отражает улицу и людей, но не меня. **Предположение:** дело в угле или особенностях стекла. **Наблюдение о себе:** повторная проверка не успокоила надолго.

Последняя строка заставила ее задержать палец над экраном. Она знала этот механизм по работе: повторно осматривать один и тот же участок без нового света, увеличения или вопроса — не значит получать новые данные. Иногда это означало только, что осматрщик перестал доверять собственному взгляду.

Лида не стала возвращаться к витрине.

У кофейни на углу она купила чай. За стойкой бариста складывал бумажные стаканчики в картонную коробку, а кофемашина выпускала пар с коротким вздохом. Лида взяла чай и маленькую ложку, положила ее на столик у окна. Металл был отполирован до блеска.

Она достала блокнот — не телефон, а тонкую рабочую тетрадь, где обычно отмечала состояние рам и холстов, — и написала на чистой странице:

Проверка поверхностей. Одна поверхность. Одно действие. Один записанный результат. Без повторов и смены угла. Объяснение не вписывать, если его нельзя подтвердить. После списка — час не проверять.

Слово «час» выглядело почти смешно рядом с происходящим. И все же граница должна была быть измеримой. Не «когда успокоюсь», не «когда пойму», а ровно час.

Витрину она внесла первой, но отметила отдельно: «До протокола. Несколько попыток; учитывать только первоначальное наблюдение». Повторные взгляды не превращались в доказательства оттого, что их было больше.

Вторым пунктом стала ложка. Лида один раз повернула ее так, чтобы выпуклая сторона была направлена к лицу. В металле вспыхнула лампа, рядом вытянулась темная полоса окна, чайник за стойкой стал кривым и крошечным. Лицо не возникло.

Она записала: **«Ложка. Повернула выпуклой стороной к себе. Вижу лампу и окно; изображения лица нет».**

Внутри нее уже поднимался знакомый толчок: перевернуть ложку, изменить наклон, наклониться ниже. Лида положила ее на стол. Металл звякнул о блюдец.

— Вам еще ложка нужна? — спросил бариста, проходя мимо.

— Нет, спасибо.

Он кивнул и вернулся к стойке. Это было простое, настоящее взаимодействие: вопрос, ответ, кивок. Лида удержалась за него вниманием, а не за тем, как могла бы выглядеть со стороны.

Третьей поверхностью стал экран телефона. Она выключила дисплей и подняла аппарат на уровень груди. В темном стекле отразились прямоугольник окна, белая лампа и край стойки. Ее лица не было.

«Экран выключенного телефона. Подняла на уровень груди. Отражаются окно, лампа и стойка; лица нет».

Заметка получалась почти протокольной ведомостью. Это было хорошо. Не потому, что ведомость могла вернуть ей лицо, а потому, что удерживала границу между увиденным и придуманным.

В музей Лида вошла через служебный вход. В коридоре пахло мокрой шерстью, древесной пылью и чем-то сладковатым из мастерской: коллеги чистили старую лакированную мебель. У лифта она задержалась перед полированными дверями.

Там было легко представить собственный силуэт. Стальные створки, по которым обычно скользили размытые очертания сотрудников, отражали коридор, светильники и красный огнетушитель. Лида увидела пустое место перед лифтом. Увидела, как двери разошлись, открывая кабину. Увидела, как они снова сомкнулись.

Она не сделала шага вперед-назад и не стала искать более удачный угол. Одним движением нажала кнопку третьего этажа.

«Полированные двери лифта. Встала перед ними, нажала кнопку. Отражаются коридор и огнетушитель; моего силуэта нет».

Когда двери открылись, в кабине стояла Аня из отдела графики. Она посмотрела на Лиду и придержала створку.

— Ты сегодня уже на работе мыслями?

— Пока не уверена, что именно сегодня у меня на работе, — ответила Лида.

Аня приподняла брови.

Лида коротко объяснила. Не стала говорить, что знает причину, и не попросила Аню описать ее лицо. Рассказала только про витрину, ложку, телефон и лифт.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросила Аня.

— Осталась последняя поверхность.

— А потом?

— Потом час ничего не проверять.

Аня не засмеялась и не сказала, что все это пройдет. Просто кивнула.

— Хороший план.

На третьем этаже Лида работала с рамой. Сначала изучила позолоту при дневном свете, затем включила настольную лампу и сравнила оттенки. В одном углу обнаружилась тонкая полоса более свежего лака. Она записала это как наблюдение, а не как «чужое вмешательство»: пока не установила, когда и зачем его наносили.

Работа вернула ей привычный ритм. Посмотреть. Назвать увиденное. Оставить место для того, чего она пока не знает. Но мысль о следующей поверхности держалась где-то рядом, как незакрытая вкладка на экране.

К вечеру Лида спустилась к трамвайной остановке. Трамвай подошел почти пустой. Она вошла, выбрала место у окна и дождалась, пока двери закроются. За стеклом медленно поплыли мокрые дома и светящиеся вывески.

Темный салон отражался в окне слабо. Лида выполнила последнюю запланированную проверку: один раз посмотрела на стекло, не меняя места и не наклоняясь. Оно показывало улицу, желтые окна, столбы и размытые огни. Ее там не было.

Она записала результат, закрыла блокнот и убрала его в сумку.

— Всё, — сказала она тихо, почти беззвучно. — Час.

Теперь, когда проверка была закончена, внимание постепенно возвращалось к трамваю. За спиной кто-то кашлянул. Двери на следующей остановке открылись, внутрь вошли двое школьников. Один уронил на пол сложенный листок. Лида подняла его и протянула мальчику.

Трамвай качнуло на повороте. Чтобы удержать равновесие, Лида свободной рукой схватилась за поручень. В этот миг за окном потемнело: вагон вошел под арку моста. В стекле на долю секунды возникла ее правая рука — от запястья до кончиков пальцев, бледная на фоне темного окна. Локоть, рукав пальто. Лица не было.

Лида замерла.

Мальчик взял листок.

— Спасибо.

Она кивнула. Рука в окне исчезла вместе с темнотой. За мостом снова показались дома и редкие фонари.

Первое желание было немедленно повторить движение. Снова поднять руку. Проверить, появится ли она опять. Затем повернуть голову. Найти тот же участок окна. Сравнить.

Лида крепче сжала ремень сумки и не стала этого делать.

На остановке она вышла, постояла под навесом и открыла блокнот. Записала:

После окончания протокола, без намеренной проверки: на мгновение увидела в темном стекле отражение правой руки. Лица не было. Не перепроверяла.

Слово «не перепроверяла» оказалось важнее всех предыдущих строк. Не потому, что она отказалась от любопытства. А потому, что любопытство уже получило результат. Следующий такой же взгляд мог бы не сообщить ничего нового, только на несколько секунд приглушить тревогу, а потом потребовать следующей проверки.

Лида убрала блокнот. На стене остановки под стеклом висело свежее объявление, приклеенное криво, поверх старых афиш:

ПОРТРЕТ ПО ПАМЯТИ. Без позирования. Расскажите, каким вас помнят другие. Мастерская Павла Ратникова. Прием по записи.

Она прочитала текст дважды. На второй раз уже не из-за тревоги — скорее потому, что слова задели какой-то новый вопрос. Если человек не видит себя, можно попросить других описать его. Можно собрать их воспоминания, привычки, любимые выражения, жесты. Только получится ли из этого отражение или чужая версия, в которую легко войти и трудно выйти?

Лида не сорвала объявление и не стала звонить по указанному номеру. Просто запомнила имя.

За стеклом остановки проплыли огни машин. Оно отражало улицу и пустую скамейку. На мгновение Лида подумала, что могла бы снова проверить, не вернулось ли ее лицо. Потом развернулась и пошла домой.

На этот вечер ей хватало того, что она увидела собственную руку. Не целую себя. Не объяснение происходящего. Только неполный отклик, который не укладывался в простое правило.

Мастер отражений

Наутро Лида открыла мастерскую раньше обычного. Внутри пахло древесной пылью, льняным маслом и металлом — запахами, которые не обещали, что всё будет хорошо, но сообщали: здесь уже знают, что делать с трещиной.

Она сняла пальто, завязала волосы и поставила чайник. Потом привычно проверила стол: чистая замша, ватные палочки, лупа, тонкая линейка, фонарь с холодным светом. Руки двигались сами. Они знали, как не оставить отпечатка на стекле и как поддержать раму, чтобы старая древесина не приняла лишний вес.

На дальней стене стояло зеркало в дубовой раме. Лида протёрла стекло сухой тканью, отошла на шаг. В нём отразились лампа, шкаф, белая полоса окна. Лиды не было.

Она не подошла ближе. Не повернула зеркало под другим углом. Не стала ловить лицо в глубине стекла. Отметила про себя только то, что увидела, и занялась заказами.

Звонок над дверью прозвучал около десяти. В мастерскую вошёл мужчина лет пятидесяти, придерживая обеими руками большое зеркало, завернутое в шерстяное одеяло. На сгибах ткани темнели старые пятна. Мужчина поставил зеркало на подставку осторожно, но резко выдохнул, будто держал его всю дорогу не руками, а тревогой.

— Вы Лида Сергеевна?

— Да.

— Антонов. Вы ремонтировали его прошлой осенью.

Он снял одеяло. Овальное зеркало в тёмной раме открыло потускневшую резьбу: листья, тонкие завитки, маленькая трещина у нижнего края. Лида узнала работу. В октябре она укрепила правую подвесную петлю и закрепляла заднюю крышку, не разбирая стекла.

— После того как вы его вернули, всё было в порядке, — сказал Антонов. — А теперь оно не отражает людей. Я хочу, чтобы вы вернули прежний вид.

Он произнёс это негромко, но каждый слог звучал как требование, которое он повторял себе всю дорогу.

— Вы заметили это недавно? — спросила Лида.

— Вчера утром. Сначала решил, что не выспался. Потом повернулся, посмотрел на окно, снова на зеркало. В комнате всё есть. Стол, штора, ваза. Меня нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.